Изъ воспоминаній о гимназіи 50-хъ годовъ.

При возбужденномъ интересѣ, который въ настоящее время обнаруживаетъ русское общество не только къ современному, но и прошлому положенію нашей средней школы, можетъ быть не лишне напомнить о томъ короткомъ періодѣ, который отдѣлялъ уваровскую классическую школу отъ гимназій по уставу 1863 года. Это тѣмъ болѣе мнѣ кажется умѣстно, что, если вѣрить газетнымъ извѣстіямъ, мы какъ будто наканунѣ реставраціи давно забытаго опыта, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ частяхъ его.

Помнится, гр. Уваровъ оставилъ министерство въ 1849 году; его мѣсто занялъ кн. Ширинскій-Шихматовъ, передъ тѣмъ самый заурядный директоръ департамента м. н. п. Сейчасъ же по уходѣ гр. Уварова въ уставѣ гимназій были произведены крутыя перемѣны. Прежде всего греческій языкъ былъ совсѣмъ упраздненъ; если не ошибаюсь, для всего петербургскаго округа была сохранена лишь въ Петербургѣ одна гимназія съ двумя древними языками. Преподаваніе латинскаго языка начиналось съ 4-го класса, количество уроковъ для него было опредѣлено: въ 4-мъ классѣ—четыре, а въ остальныхъ, т. е. 5-мъ, 6-мъ и 7-мъ, по три урока въ недѣлю. Но этого мало—латинскій языкъ не былъ для всѣхъ обязательнымъ предметомъ: кто, перейдя въ 4-й классъ, заявлялъ о нежеланіи учится латинскому языку, тотъ, начиная съ 5-го класса, въ теченіе трехъ лѣтъ слушалъ законовѣдѣніе (по 3 урока въ недѣлю); для будущихъ законовѣдовъ свободные въ 4 классѣ четыре урока даромъ не пропадали, они поровну дѣлились на усиленныя занятія математикой и русскимъ языкомъ. Вмѣсто же греческаго языка для обѣихъ отдѣленій было введно со второго класса естествовѣдѣніе: во 2-мъ и 3-мъ классѣ проходилась зоологія, въ 4-мъ и 5-мъ ботаника, въ 6-мъ минералогія.

Эта реформа была вызвана не столько сознаніемъ непригодности для Россіи классической школы, сколько подозрѣніемъ, что изученіе древнихъ языковъ, открывая возможность ознакомленія съ классическимъ міромъ, способствуетъ распространенію разру-

шительныхъ идей. А черезъ 20 лѣтъ эти же языки были признаны лучшимъ оплотомъ противъ тѣхъ же вредоносныхъ началъ!

Неудивительно, что реформа гимназій, произведенная кн. Ширинскимъ-Шихматовымъ, одновременно съ ограниченіемъ доступа въ университеты (кромѣ медицинскихъ факультетовъ, для всѣхъ прочихъ вмѣстѣ взятыхъ былъ опредѣленъ комплектъ въ 300 человѣкъ) не встрѣтила сочувствія въ лучшей части тогдашняго общества, и не долго удержалась. Съ наступленіемъ новыхъ вѣяній послѣ крымской кампаніи, въ петербургскомъ округѣ, попечителемъ котораго вскорѣ сталъ кн. Щербатовъ, вмѣсто знаменитаго Муссина-Пушкина, преподаваніе законовѣдѣнія съ осени 1857 г. было остановлено; по крайней мѣрѣ, такъ было въ нашей вологодской гимназіи. Даже сомнѣваюсь, закончилось ли оно для тѣхъ, кто его ранѣе началъ, потому что въ 7-мъ классѣ, гдѣ оно должно было еще проходиться (я какъ разъ въ это время былъ въ 7-мъ классѣ), часы его были распредѣлены для добавочныхъ занятій по другимъ предметамъ. Такъ какъ нѣкоторые изъ шедшихъ по законовѣдѣнію въ учебный 1857—58 г. заявили о желаніи отправиться въ университеты, то по ихъ просьбѣ учитель законовѣдѣнія занимался съ ними латинскимъ языкомъ.

Учившіеся законовѣдѣнію и оканчивавшіе съ аттестатомъ, получали при поступленіи на службу чинъ 14 класса; латинисты же при переходѣ въ университетъ не освобождались отъ экзамена; отъ желавшихъ поступить на историко-филологическій факультетъ требовался даже экзаменъ изъ греческаго языка; но, разумѣется, это послѣднее существовало только на бумагѣ.

Видимо наскоро были изготовлены учебники: для законовѣдѣнія—проф. полицейскаго права спб. университета Рождественскимъ, для естественныхъ наукъ по зоологіи Ю. Симашко, по ботаникѣ пр. Шиховскимъ и по минералогіи пр. Гофманомъ. Что же такое былъ учебникъ Рождественскаго? Это былъ томъ около 400 стр. и представлялъ изъ себя сжатое изложеніе дѣйствовавшихъ законовъ. Ни обще-философскихъ, ни историко-юридическихъ понятій въ немъ не было и слѣда. Ужъ не помню, чѣмъ насъ занималъ учитель законовѣдѣнія на первомъ урокѣ каждаго года; но всѣ послѣдующіе уроки состояли въ томъ, что онъ насъ спрашивалъ. Задавалось извѣстное количество страницъ и мы выучивали ихъ наизусть; дѣлали это довольно добросовѣстно, такъ какъ при незначительномъ числѣ учениковъ почти всѣ и всякій разъ спрашивались. Нашъ учитель законовѣдѣнія былъ человѣкъ молодой, кандидатъ университета, зналъ европейскіе языки и, кажется, вообще былъ человѣкъ довольно развитой; но связанъ ли онъ былъ безусловнымъ требованіемъ—буквально держаться учебника, или самъ находилъ излишнимъ дѣлать какія-нибудь общеюридическія и историческія дополненія къ нему, только за два

года, что преподавалъ намъ (т. е. нашему выпуску) законовѣдѣніе, онъ, помнится, сдѣлалъ отъ себя одно поясненіе, когда рѣчь шла о правахъ ремесленниковъ: что въ Петербургѣ есть портные, которые работаютъ платье изъ своего матеріала (такихъ въ Вологдѣ тогда еще не водилось). Такъ какъ законовѣдѣніе начиналось съ 5 класса, то само собой установилось, что мы на урокахъ его держали себя какъ взрослые, въ свою очередь и учитель, которому не приходилось имѣть дѣло съ нами въ низшихъ классахъ, обращался съ нами на „вы“ и не прибѣгалъ къ тѣмъ дисциплинарнымъ мѣрамъ, которыя тогда были въ большомъ ходу, а въ случаѣ надобности ограничивался лишь простымъ замѣчаніемъ, и этого было совершенно достаточно.

Насколько успѣвали латинисты не могу судить, такъ какъ я шелъ по законовѣдѣнію. Помню, что между юристами и латинистами нерѣдко возникали споры, что труднѣе: латинскій языкъ или законовѣдѣніе. Мы законовѣды, хотя въ душѣ и сознавали, что латинскій языкъ потруднѣе, т. е. приходилось болѣе готовится къ урокамъ, однако, явно въ этомъ не признавались.

— Что ваши supinum'ы, да gerundium'ы, а вотъ запомни-ка— за что прописывается каторга, по скольку лѣтъ, сколько плетей, сколько розогъ кому назначается. Нѣтъ, тоже и законовѣдѣніе не шутка, все въ долбежъ надо брать.

Какъ же распредѣлялись ученики по отдѣленіямъ? т. е. что руководило ими при выборѣ латинскаго языка или законовѣдѣнія. Конечно, главное рѣшеніе зависѣло отъ воли родителей. Дѣти дворянъ, въ большинствѣ предназначавшіеся для военной службы, дѣти мелкихъ чиновниковъ заявляли свое предпочтеніе законовѣдѣнію; дѣти же педагогическаго персонала, или дѣти, родители которыхъ были съ высшимъ образованіемъ, а также дѣти изъ духовнаго званія шли преимущественно по латинскому отдѣленію. Нашъ выпускъ состоялъ изъ 13 человѣкъ; изъ нихъ только 4 кончили съ латинскимъ языкомъ: но, благодаря отмѣнѣ ограниченія въ пріемѣ въ университеты и новому духу, проникшему даже въ глухую Вологду, изъ нашего выпуска 8 человѣкъ отправились продолжать свое образованіе, а ранѣе это дѣлали 1,2, даже и изъ болѣе многочисленныхъ выпусковъ.

На счастье не-латинистовъ тогда въ спб. университетѣ профессоромъ латинской словесности былъ Н. М. Благовѣщенскій; онъ сравнительно строже экзаменовалъ лишь подававшихъ прошенія на историко-филологическій факультетъ; на прочіе же факультеты пропускалъ безъ затрудненія. Была, впрочемъ,—и гроза, лекторъ латинскаго языка Лапшинъ, тотъ рѣзалъ на всѣ факультеты безъ малѣйшаго снисхожденія. Въ крайнемъ случаѣ оставалось одно прибѣжище, ректоръ П. А. Плетневъ, который разрѣшалъ переэкзаменовки для провалившихся у Лапшина; и въ такомъ случаѣ экзаменаторомъ назначался Н. М. Благовѣщенскій.

Въ наше время если и вспоминаютъ о Благовѣщенскомъ, то скорѣе какъ о ректорѣ варшавскаго университета. Я, обязанный ему поступленіемъ въ университетъ, считаю долгомъ напомнить, что, благодаря Благовѣщенскому, не одна сотня молодыхъ людей получила возможность поступить въ университетъ за время отъ 1855 до 1861 г.

Но я отвлекся отъ нашей гимназіи. Очень хорошо помню первый урокъ естествовѣдѣнія; я былъ тогда въ 2 классѣ. Послѣ рождества, въ часъ назначенный по росписанію входитъ директоръ (А. С. Власовъ, не задолго передъ тѣмъ прибывшій изъ Петербурга) и съ нимъ какой-то молодой человѣкъ въ форменномъ платьѣ учителя. Представивъ намъ молодого человѣка въ качествѣ учителя естественной исторіи, директоръ продолжалъ:

— Чтобъ не пропадало время даромъ, я еще съ начала года распорядился открыть преподаваніе естественной исторіи, и поручилъ это бывшему учителю греческаго языка (А. Г. Попову,— онъ, собственно, былъ преподавателемъ въ семинаріи, но училъ греческому языку и въ гимназіи).

Дѣйствительно въ нашъ классъ, а вѣроятно и въ другіе, приходилъ бывшій учитель греческаго языка, приносилъ съ собой какую-то толстую книгу (кажется „Фауну“ Симашко), что-то по ней читалъ, не обращая вниманія на страшный шумъ, царившій въ классѣ, никогда ничего не задавалъ, а потому и не спрашивалъ. Красивыя картинки звѣрей насъ очень интересовали, но А. Г. даже и близко не подпускалъ къ книгѣ. — Книга дорогая,—говорилъ онъ,—а вы, безобразники, ее, пожалуй, еще запачкаете.

— Неугодно-ли вамъ кого-нибудь спросить,—сказалъ директоръ. Новый учитель, никого не зная, видимо затруднялся; тогда директоръ самъ сталъ спрашивать.

— Что знаешь,—обратился онъ къ первому ученику (мы сидѣли по успѣхамъ).

Первый ученикъ встаетъ и, то краснѣя, то блѣднѣя, проговариваетъ:—Есть полипъ.

— Полипъ?—съ удивленіемъ переспрашиваютъ директоръ и учитель,—что же такое полипъ?

— Если его рѣзать на кусочки, то все будетъ полипъ и будетъ живъ.—Больше ничего не зналъ не только первый ученикъ, но и цѣлый рядъ слѣдовавшихъ за нимъ; отличился только одинъ изъ великовозрастныхъ.

— Есть у человѣка шкелетъ.

— Ахъ, какое варварское слово,—замѣтилъ учитель.

— Шкилетъ,—поправился нашъ товарищъ; дальше и онъ ничего не зналъ.

Учебники, должно быть, еще не были готовы; потому за это полугодіе учитель давалъ намъ свои записки. Онѣ начинались такъ: „естественная исторія есть наука, занимающаяся изученіемъ

природы; природою называется все, что создано Богомъ. Природа раздѣляется на три царства" и т. д.

Молодой учитель видимо любилъ свой предметъ и старался заинтересовать имъ и насъ. Къ несчастью, онъ слишкомъ хорошо зналъ пристрастія своихъ бывшихъ профессоровъ, Шиховскаго и Гофмана, т. е. чѣмъ они болѣе всего интересовались на экзаменахъ. Еще зоологія насъ нѣсколько привлекала и то пока проходили млекопитающихъ и птицъ; но когда наступила очередь ботаники и минералогіи, то даже самые прилежные и тѣ едва тянулись. И въ самомъ дѣлѣ, что могло насъ расшевелить, когда въ ботаникѣ на первомъ планѣ стояла систематика съ перечисленіемъ тычинокъ, пестиковъ и лепестковъ и т. п., а въ минералогіи надо было вызубривать опредѣленія цвѣта минераловъ, иногда въ три строчки, въ родѣ: голубовато, розовато, синевато, гіацинтово, кармазино, кошениле и т. д. Ни о способахъ добыванія, ни о примѣненіи въ жизни и помину не было. Учитель выбивался изъ силъ, поощрялъ насъ заводить гербаріи, собирать насѣкомыхъ, минералы, пробовалъ даже устраивать экскурсіи; но пріохотить къ предмету ему насъ не удалось. Невѣроятная сушь учебниковъ и слишкомъ точное слѣдованіе имъ, изъ страха, что мы можемъ провалиться на экзаменѣ у Шиховскаго и Гофмана, сдѣлали для насъ естествовѣдѣніе самымъ скучнымъ предметомъ.

Въ половинѣ 70-тыхъ годовъ, мнѣ пришлось встрѣтить того же учителя, для выслуги пенсіона оставленнаго при гимназіи въ качествѣ преподавателя латинскаго языка въ младшихъ классахъ.—

— Гдѣ составленныя вами коллекціи?—спросилъ я.

— Ничего этого болѣе нѣтъ,—съ грустью отвѣчалъ онъ,—часть была отдана въ женскую гимназію, остальное, вѣроятно, выброшено.

Почти одновременно съ естественными науками была введена маршировка, а потомъ и гимнастика, но то и другое помнится, для однихъ только пансіонеровъ. При тогдашнемъ воинственномъ настроеніи даже маршировка, хотя въ ней на первомъ планѣ было вытягиваніе носка и учебный шагъ въ три пріема, менѣе насъ тяготила, чѣмъ естественная исторія, о которой мы постоянно говорили: ну, на что она намъ? Для гимнастики рѣшительно не было никакихъ приспособленій и ужъ въ чемъ она состояла даже и представить себѣ не могу.

Обучалъ насъ унтеръ-офицеръ изъ мѣстнаго гарнизоннаго батальона. Къ слову сказать, передъ гимназіей былъ плацъ, на которомъ съ весны производилось ученье солдатъ и намъ изъ оконъ открывалось назидательное зрѣлище ежеминутнаго и нещаднаго битья солдатъ.

Маршировка была уничтожена въ 1855 году.

Въ началѣ 50-тыхъ годовъ въ пансіонѣ былъ введенъ скоромный столъ во всѣ дни, кромѣ 1-ой, 4-ой, 7-ой недѣли великаго поста, да се-

редъ и пятницъ того же поста. Содержаніе у насъ было такое: въ 8 ч. утра тарелка молока (вѣроятно, снятого) съ чернымъ хлѣбомъ; въ $11^1/_2$ ч. тарелка супу, въ $2^1/_2$ ч. обѣдъ изъ трехъ блюдъ (супъ или щи, кусокъ вареной говядины подъ соусомъ, каша или пирожное), въ 8 ч. вечеромъ сначала давали стаканъ сбитню съ булкой изъ первача, потомъ сбитень былъ замѣненъ чаемъ. Въ общемъ можно сказать, что кормили насъ еще довольно сносно; но аппетитъ у насъ былъ волчій, и кто не имѣлъ средствъ утромъ или въ полдень покупать булки, а вечеромъ пить свой чай, тотъ за обѣдомъ, главнымъ образомъ, набивался кашей, въ которой отказа не было.

Къ тому же времени относится сильно огорчившее всѣхъ школьниковъ, да вѣроятно и весь педагогическій персоналъ, сокращеніе праздниковъ. Опалѣ подверглись почти всѣ двунадесятые праздники; на Рождество, не считая кануна, полагалось только три дня; кажется, была урѣзана и Пасха. И это было сдѣлано въ министерство кн. Ширинскаго-Шихматова съ товарищемъ А. С. Норовымъ! Однако всѣ праздники были возвращены вскорѣ по вступленіи на престолъ Александра II; и совершенно понятно, что мы школьники были въ восторгѣ отъ новаго императора; къ тому же была введена другая форма, которая намъ болѣе нравилась, да, пожалуй, была и удобнѣе,—вмѣсто мундировъ съ фалдами, какъ у фрака—одноборотные сюртуки.

Тогда экзамены кончались въ половинѣ іюня, а съ 7 августа уже начинались классы; такъ что всѣ каникулы продолжались съ небольшимъ 7 недѣль, и быстро проходили. За то не было въ обычаѣ что нибудь задавать на лѣто.

Въ мое время въ нашей гимназіи (только изъ 7 классовъ; даже приготовительнаго не существовало) было среднимъ числомъ около 150 воспитанниковъ, въ томъ числѣ до 60 пансіонеровъ. Изъ послѣднихъ, кажется, болѣе половины воспитывались на счетъ дворянства, приказа общественнаго призрѣнія и др. Своекоштные пансіонеры платили по 100 р. въ годъ. За 8 лѣтъ, которыя я провелъ въ гимназіи (въ 1-мъ классѣ я былъ два года), помнится, умерло 3, одинъ приходящій, еще въ 1-мъ классѣ, черезъ какой нибудь мѣсяцъ по вступленіи въ гимназію; и 2 пансіонера,—одинъ во время вакаціи отъ холеры, другой болѣзненный, вѣчно въ лазаретѣ, умеръ весной въ 3-мъ классѣ. Ни по случаю сильныхъ морозовъ (они въ Вологдѣ доходятъ до 30° R), ни по случаю какихъ нибудь эпидемій уроки въ гимназіи не останавливались. Тогда какъ-то сходили благополучно вещи, теперь способныя произвести большой переполохъ. Со мной былъ такой случай. При переходѣ изъ 5-го въ 6-й классъ во время экзаменовъ я схватилъ настоящую оспу; первые дни лежалъ въ лазаретѣ въ сильномъ жару и едва даже могъ проглатывать питье. Но понемногу жаръ спалъ, мнѣ позволили встать съ кровати, и тогда я просиживалъ по цѣлымъ

часамъ у открытаго окна, выходившаго на пансіонскій дворъ. Лазаретъ былъ въ нижнемъ этажѣ; когда пансіонеровъ пускали на дворъ, то товарищи подходили къ окну, болтали со мной, иногда угощали разными лакомствами. Скоро экзамены кончились и всѣхъ распустили по домамъ; изъ-за меня оставался не закрытымъ лазаретъ. Между тѣмъ оспенные прыщи стали у меня подсыхать,—тогда смотритель лазарета, къ моему великому удовольствію, заявилъ мнѣ слѣдующее: ну, ты теперь можешь идти домой, только не умывай лица и рукъ, пока всѣ коросты съ нихъ не спадутъ; и въ баню, не ходи, и не купайся, пока со всего тѣла также не сойдутъ коросты. Я тотчасъ-же домой; а отсюда черезъ какую нибудь недѣлю, поселился въ качествѣ репетитора у одного помѣщика, у котораго былъ 5 человѣкъ маленькихъ дѣтей. И все сошло, ни съ кѣмъ ничего не случилось.

Пансіонеры на праздники и по воскресеньямъ отпускались къ родителямъ или знакомымъ. Для зимы у насъ имѣлись шинели изъ тонкаго сѣроватаго сукна, до поясницы подбитыя каленкоромъ и только. Потомъ, при перемѣнѣ формы въ новое царствованіе, были введены пальто изъ чернаго сукна, подбивкой служило верблюжье сукно, но тоже лишь на спинѣ. Пансіонеровъ зимой гулять не водили, не пускали также на дворъ играть; послѣднее дозволялось только весной, когда наступало тепло. А помѣщеніе пансіона состояло всего изъ одной залы, она была столовой, рекреаціонной и комнатой для приготовительныхъ занятій. Длина залы была такова, что обѣденный столъ, сервированный съ обѣихъ сторонъ на 60 человѣкъ, какъ разъ занималъ все пространство. Наши спальни помѣщались въ нижнемъ этажѣ, вросшемъ въ болотистую почву; вышина ихъ была около $3^1/_2$ ар. Прибавьте къ этому совершенно открытые ночные приборы, въ родѣ корытъ, и можно себѣ представить какой воздухъ былъ въ нашихъ спальняхъ. Приходя въ нихъ спать, мы, однако, никогда не замѣчали дурного запаха; поэтому легко можно судить чѣмъ мы дышали въ нашемъ верхнемъ залѣ. Но если почему нибудь случалось входить въ спальню прямо съ улицы, даже днемъ, то тутъ и насъ разило. У меня и теперь, когда попадается подъ носъ бѣлье плохо прополосканное, да еще мытое грубымъ сѣрымъ мыломъ, встаетъ воспоминаніе о нашей пансіонской спальнѣ. Больныхъ дѣйствительныхъ (по себѣ знаю, что мнимо больныхъ было не мало) было не много и фактически мы не выглядѣли плохо *). Я думаю, что тутъ извѣстную, и притомъ не малую роль играло то обстоятельство, что мы легко справлялись съ приготовленіемъ уроковъ. Такъ, въ пансіонѣ на приготовленіе уроковъ полагалось вечеромъ время отъ 5 до 8 ч.,

*) Изъ 13 человѣкъ нашего выпуска несомнѣнно въ живыхъ осталось еще 9 человѣкъ, всѣ мы въ возрастѣ между 60—62 годами.

съ небольшой перемѣной въ 10 м., да утромъ не болѣе $1^1/_4$ ч. И въ это время всякій мало-мальски способный и заботливый безъ труда успѣвалъ приготовить всѣ уроки. Въ 8 ч. утра былъ завтракъ, а послѣ него перемѣна до начала классовъ. Весной въ этотъ промежутокъ пускали играть на дворъ, причемъ лапта была главнѣйшимъ развлеченіемъ.

Классные уроки начинались въ 9 ч. и въ каждомъ классѣ было только но 4 урока, считая въ томъ числѣ чистописаніе и рисованіе въ низшихъ классахъ. Всякій урокъ продолжался 1 ч. 10 м., такъ какъ между 1 и 2, 3 и 4 уроками были перемѣны въ 10 м., а между 2 и 3 въ 30 м. Плата за ученье была 5 р. въ годъ, что по нынѣшней стоимости денегъ составитъ нѣсколько болѣе 10 р., но отъ нея легко освобождали при недостаточности средствъ. Была, конечно, форма и у приходящихъ, но къ ней неособенно придирались; обязательно требовались форменная фуражка и сюртукъ. Никакихъ ранцевъ и различныхъ теперешнихъ ученическихъ аксессуаровъ тогда и въ поминѣ не было; даже не справлялись—имѣются ли у ученика необходимые учебники. Въ дѣйствительности у многихъ изъ приходящихъ ихъ и не хватало, а потому ходили другъ къ другу готовить уроки. Я изъ-за недостатка учебниковъ лишній годъ пробылъ въ гимназіи. Поступивъ сначала приходящимъ, перешелъ во 2-й классъ; нужны были новые учебники, а у матушки средствъ не хватало. Вотъ она и рѣшила оставить меня еще на годъ въ томъ же классѣ; между тѣмъ прошло мѣсяца три, открылась вакансія и я поступилъ въ пансіонеры.

Было двѣ библіотеки, одна пансіонская, всего съ десятокъ книгъ,—„Робизонъ Крузе“, „Путешествіе Дюмонъ-Дюрвиля“, „Часы благоговѣнія“ и еще что-то въ этомъ родѣ. Въ гимназической библіотекѣ былъ запечатанный шкапъ, въ которомъ красовались „Отеч. Записки“ за время Бѣлинскаго. Новыхъ книгъ въ библіотекѣ было очень мало; чтеніе не поощрялось и полученіе книгъ изъ гимназической библіотеки (и то съ 4 класса) было не легко. Только съ появленіемъ въ 57 г. новаго директора А. В. Латышева чтеніе даже стало прямо рекомендоваться, особенно въ старшихъ классахъ; но въ первое время охотниковъ до него было немного. Учебными пособіями наша гимназія была обставлено крайне плохо; напр., по географіи имѣлась карта Европы да такой степени истрепанная, что на ней ничего нельзя было разобрать; для остальныхъ частей свѣта были нѣмыя карты, и ничего больше. По физикѣ было нѣсколько приборовъ, но они стояли въ шкапахъ и самое большее, что разъ въ году показывался какой нибудь незамысловатый опытъ, не всегда удававшійся, какъ напр., съ Атвудовой машиной.

7-й классъ (какъ я уже сказалъ послѣдній) представлялъ тогда нѣсколько двойственный характеръ. Совсѣмъ новымъ предметомъ

являлась „Космографія“, т. е. основныя понятія изъ физической и математической географіи; на нее было назначено 2 часа; учебникъ Талызина былъ недурный для своего времени. Безъ курса логарифмовъ и тригонометріи, которые проходили въ 6 классѣ, математическая географія была бы немыслима. Заканчивалась физика по очень хорошему учебнику Э. Ленца; затѣмъ повторялся весь курсъ математики, ранѣе пройденный. По математикѣ были у насъ дѣльные учителя, и гимназія того времени вполнѣ подготовляла къ университету. Еще въ 7-мъ классѣ проходилась русская исторія по среднему курсу Устрялова; самый краткій курсъ русской исторіи того же Устрялова мы выучивали въ 3 классѣ, затѣмъ повторялась всеобщая исторія (проходились: древняя въ 4, средняя въ 5 и новая въ 6 классѣ). Учебниками по всеобщей исторіи служили курсы Смарагдова, даже для своего времени мало пригодные. Исторіей никто съ охотой не занимался и это единственно по винѣ учителя. То былъ человѣкъ, знавшій свой предметъ, при объясненіи уроковъ онъ не довольствовался пересказомъ того, что было въ учебникѣ, а старался выяснить внутренній смыслъ событій; но онъ былъ крайне мелочный человѣкъ, его не любили товарищи учителя, еще болѣе гимназисты, и нелюбовь къ учителю переносили на самый предметъ. Я лично ему очень обязанъ; онъ пріохотилъ меня къ чтенію научныхъ историческихъ книгъ, снабжалъ ими, и подъ его руководствомъ я ознакомился въ 4-мъ классѣ съ трудами М. С. Куторги по греческой исторіи, а въ 5-мъ перечиталъ „Судьбы Италіи“ Кудрявцева. Уже при мнѣ Смарагдовъ былъ замѣненъ еще болѣе негодными руководствами Зуева. Тогда всякія перемѣны въ учебникахъ исходили только изъ округа. Нѣкоторые учебники издавались министерствомъ, напр. учебники по математикѣ Буссе, грамматика Востокова и были очень дешевы.

И теперешнихъ гимназистовъ нерѣдко обвиняютъ въ безграмотности; лучше ли мы знали русскую грамматику? Не думаю, сужу по себѣ, такъ какъ постоянно чувствую, что пишу механически, безъ логическаго пониманія формъ языка, а потому, несомнѣнно, и дѣлаю ошибки. Лучше-ли мы умѣли выражать свои мысли, сказывалась-ли въ нихъ извѣстная зрѣлость сужденія? Тоже весьма сомнѣваюсь. Русская грамматика преподавалась въ первыхъ трехъ классахъ; сначала при мнѣ для грамматики и географіи былъ одинъ младшій учитель. Онъ окончилъ курсъ только въ гимназіи, и раньше былъ учителемъ уѣзднаго училища. То былъ старикъ, съ виду очень суровый, на дѣлѣ же добрякъ, пуще всего боявшійся, какъ бы мы не провалились на экзаменѣ. Онъ отлично зналъ, что гимназисты, если дать имъ писать билеты для экзамена, обязательно перемѣтятъ ихъ; и тѣмъ не менѣе всегда поручалъ намъ изготовленіе билетовъ. Но въ теченіе года единицы и нули сыпались безпощадно, а въ углу и на колѣняхъ мы искупали свои грѣхи въ

буквѣ „ѣ“ или въ неумѣньи показать на истрепанной картѣ, гдѣ течетъ Везеръ. Общая географія преподавалась первые три года, а въ 4-мъ классѣ проходилась географія Россіи. У насъ, школьниковъ, одной изъ любимыхъ темъ для разговора было—кто изъ учителей ученѣе другого, и какъ далеко идетъ ихъ ученость. О нѣкоторыхъ, наприм., объ учителѣ математики Назарьевѣ, ходили поражавшія насъ легенды, что онъ въ умѣ извлекалъ кубическіе корни и зналъ интегральное исчисленіе (о которомъ мы только и соображали, что это хитрѣйшая штука). Объ учителѣ географіи мы тоже были очень высокаго мнѣнія; бывало, о какой рѣкѣ его не спросишь, куда она впадаетъ, или въ какомъ государствѣ находится такой-то городъ,—непремѣнно знаетъ, никогда его не удавалось поймать. Это насъ просто въ изумленіе приводило. Конечно, И. П. отлично зналъ Ободовскаго и даже старый курсъ Арсеньева, но врядъ-ли что нибудь болѣе. Помню, разъ онъ объяснялъ намъ, что англичане занимаются торговлей и поэтому у нихъ много кораблей. Кому-то вздумалось спросить его: а у кого лучше флотъ—у русскихъ или у англичанъ. — Я думаю,—серьезно отвѣтилъ И. П.,—у насъ лучше, потому что въ Петербургѣ есть морской корпусъ, откуда выходятъ наши морскіе офицеры, а у англичанъ этого нѣтъ.

Вскорѣ для преподаванія русскаго языка въ младшихъ классахъ появился особый учитель, почему-то не кончившій курса медицинской академіи. Изъ него, кажется, потомъ выработался незаурядный преподаватель, имъ даже были составлены какіе-то учебники по русскому языку; но въ первое время онъ самъ ему еще учился, а потому больше всего упражнялъ насъ въ диктовкѣ. Съ 4-го класса мы поступили въ распоряженіе старшаго учителя, недавно умершаго въ преклонномъ возрастѣ, Н. П. Левитскаго. Онъ съ честью, подъ конецъ своей педагогической дѣятельности, занималъ должность директора училищъ. Н. П. Левитскій пользовался большимъ уваженіемъ, и мы, находясь въ 3-мъ классѣ съ нетерпѣніемъ, соединеннымъ, однако, со страхомъ, ждали перехода въ 4-й классъ. И дѣйствительно, намъ потомъ нерѣдко приходилось терпѣть какъ отъ его капризовъ въ личныхъ отношеніяхъ, такъ и увлеченій въ дѣлѣ преподаванія.

Первый урокъ въ 4-мъ классѣ по русскому языку. Мы съ замираніемъ сердца ждемъ учителя. Наконецъ, изрядно опоздавши, входитъ онъ, окидываетъ насъ быстрымъ взглядомъ и горделиво усаживается на каѳедрѣ. Что-то читалъ, кажется изъ Пушкина. Но вотъ раздается звонокъ.

— Къ слѣдующему разу напишите мнѣ планъ слова, сказаннаго митрополитомъ Филаретомъ при освященіи храма въ Троицѣ-Сергіевой лаврѣ (имѣлось въ христоматіи Галахова).—И затѣмъ удалился.

Мы были повергнуты въ изумленіе. Что такое онъ задалъ?

Что такое планъ? Кинулись, конечно, къ старшимъ; тѣ, изрядно поломавшись, разъяснили въ чемъ дѣло. Но объ этомъ будетъ сказано ниже.

Помнится одинъ урокъ въ 4-мъ классѣ посвящался церковнославянскому языку; но это была совершенно напрасная трата времени, никто имъ не занимался, да и учитель, видимо, смотрѣлъ на преподаваніе какъ на выполненіе обязательной формальности. Затѣмъ иногда бывали уроки, походившіе на исторію русскаго языка; далѣе, кажется, начатки психологіи. У меня еще и теперь въ памяти сохранились отрывки изъ записокъ учителя: „разумомъ мы постигаемъ бога и вѣчныя идеи исходящія изъ него, умомъ—явленія внѣшняго міра, разсудкомъ—обыкновенныя житейскія отношенія“. Болѣе всего, однако, учитель посвящалъ времени объяснительному чтенію изъ Пушкина, Гоголя,— это намъ было очень по душѣ. Въ 5-мъ классѣ проходилась такъ называемая теорія прозы; учебника не было, и учитель давалъ записки; также должно быть знакомилъ насъ съ началами логики; но крайней мѣрѣ, мое познаніе о „рогатомъ силлогизмѣ“ идетъ съ этихъ поръ. Этотъ годъ былъ самый скучный. Въ 6-мъ классѣ проходилась теорія поэзіи съ краткими свѣдѣніями объ иностранныхъ литературахъ, въ 7—исторія русской литературы. Довольно часто, особенно въ 4-мъ и 5-мъ классахъ мы писали сочиненія на заданныя темы. Существовалъ печатный списокъ темъ, присланный изъ округа; большая часть ихъ была совсѣмъ непримѣнима для провинціи, такъ какъ посвящалась Петербургу, его окрестностямъ и достопримѣчательностямъ; остальная или описательная—восходъ солнца, гроза и т. п., или нравственнаго характера—смерть язычника и христіанина, необходимость послушанія родителямъ, благость провидѣнія и т. д. Я, помнится, цѣлые полгода писалъ— „какъ надо смотрѣть на порочнаго человѣка“, а потомъ—„можетъ ли существовать въ наше время истинная дружба“.

Въ манерѣ преподаванія нашего учителя была странная смѣсь схоластики съ живымъ отношеніемъ къ дѣлу; можетъ быть это являлось неминуемымъ послѣдствіемъ обязательныхъ программъ. Такъ, въ 4-мъ классѣ онъ упражнялъ насъ въ составленіи плановъ изъ разныхъ отрывковъ, находившихся въ хрестоматіи Галахова. Напр., былъ отрывокъ изъ Гоголя, озаглавленный: „Украинская ночь“ (онъ начинался словами: знаете-ли вы что такое украинская ночь?) И вотъ для этого отрывка надо было составить разграфленный планъ. Прежде всего, какая главная мысль? Въ первой графѣ пишешь—украинская ночь прекрасна. Во второй графѣ—почему? по небу, по звѣздамъ, по воздуху, по землѣ и впечатлѣніямъ. Въ слѣдующихъ графахъ передъ небомъ проставляешь—небо такое-то и т. д. Но можетъ быть всего болѣе вредили дѣлу увлеченіемъ учителя. Пришла ему разъ добрая мысль задать намъ—написать какое нибудь письмо. Первый

опытъ у нѣкоторыхъ оказался довольно удаченъ; но такъ какъ учитель цѣлые полгода заставлялъ насъ писать письма, то можно себѣ представить, какая безсмыслица вышла изъ этого; писали мы къ папенькѣ, маменькѣ, брату, сестрѣ, милому товарищу,— къ кому мы могли болѣе писать, а главное о чемъ, будучи въ возрастѣ 14 лѣтъ (дѣло происходило въ 4 классѣ?) Когда мы были въ 6-мъ классѣ, въ журналѣ М-ства Нар. Просв. печатались отрывки изъ диссертаціи О. Ѳ. Миллера „О нравственной стихіи поэзіи“; какъ извѣстно, тогда покойный О. Ѳ. признавалъ только одну поэзію—индійскую. Это открытіе такъ должно быть поразило нашего учителя, что мы лишь въ концѣ года разстались съ „Налемъ и Дамаянти“; затѣмъ 2—3 урока было посвящено объяснительному чтенію отрывковъ изъ Антигоны Софокла и Макбета; на томъ наше ознакомленіе съ иностранными литературами и закончилось. Въ 7-мъ классѣ опять своя исторія; будучи горячимъ поклонникомъ Пушкина и Гоголя, которыхъ мастерски читалъ, Н. П. Левитскій такъ налегъ по Шевыреву на древне-русскую литературу, что мы къ Рождеству едва добрались до Слова о полку Игоревѣ. Потомъ наступилъ чередъ Ломоносова и Державина (мы должны были своими словами разсказывать ихъ оды!), такъ что, весь періодъ съ Карамзина занялъ не болѣе двухъ уроковъ.

Нѣмецкій и французскій языки были для всѣхъ обязательны, но преподавались такъ неудовлетворительно, что нѣкоторые забывали въ гимназіи то, чему раньше дома выучивались. Французъ, плохо говорившій по русски, еще въ младшихъ классахъ нѣсколько занимался съ нами, т. е. заставлялъ выучивать спряженія глаголовъ и разные отрывки; въ старшихъ же почти ничего не давалъ; цѣлые уроки проходили въ томъ, что болтали (конечно, по русски) разный вздоръ, да взаимно (т. е. учитель и ученики) разсказывали анекдоты. Нѣмцевъ при мнѣ перебывало трое, всѣхъ ихъ одинаково называли колбасниками. Они лучше по русски знали, но особенной пользы отъ этого не оказывалось. На первомъ планѣ у нихъ стояло выучиваніе наизусть нѣмецкихъ стиховъ, а понимаемъ ли мы ихъ—этимъ наши учителя особенно не интересовались. Одинъ изъ нихъ до такой степени любилъ драться, что даже въ тѣ времена за это вылетѣлъ изъ гимназіи; но потомъ по крайности опять былъ взятъ.

Обучали насъ, конечно, разнымъ изящнымъ искусствамъ; въ первыхъ трехъ классахъ рисованію, а пансіонеровъ всѣхъ классовъ танцамъ и подъ часъ такимъ хитрымъ, что должно быть, кромѣ нашего пансіона, ихъ нигдѣ не танцовали. Разъ во время танцъ-класса входитъ инспекторъ (а онъ былъ мастеръ въ танцахъ), долго всматривался, наконецъ, спрашиваетъ танцмейстера. —Что это они у васъ выдѣлываютъ? — Мазурку-съ, почтительно отвѣтилъ учитель.—Вотъ никогда не видалъ такой мазурки:—Былъ

гимназическій хоръ, но только духовный для церкви, имѣвшейся при пансіонѣ.

Я былъ при двухъ законоучителяхъ; у нихъ была одна общая черта—излишняя благосклонность къ дѣтямъ богатыхъ и вліятельныхъ родителей; въ остальномъ же совсѣмъ не походили другъ на друга. Первый изъ нихъ, отецъ Петръ, даже для тѣхъ временъ, былъ поразительно слабъ въ своемъ предметѣ; онъ всегда спрашивалъ, имѣя передъ собой учебникъ, не разставался съ нимъ даже на экзаменахъ, пряча въ рукавъ своей рясы. Самыя неправдоподобныя опечатки въ учебникахъ не возбуждали въ немъ ни малѣйшаго сомнѣнія, и если на нихъ указывали, то онъ въ крайнемъ возбужденіи отвѣчалъ:

— Какъ, ты смѣешь не вѣрить тому, что напечатано въ книгѣ? Да вотъ я на тебя инспектору пожалуюсь, такъ онъ тебѣ такую опечатку пронишетъ, что до старости не забудешь!

Шумъ въ классѣ на его урокахъ всегда былъ невѣроятный; а спрашивалъ онъ съ мѣста. Стоило только говорить безъ запинки, почти что хочешь, и ставился хорошій баллъ. Но если почему нибудь отецъ Петръ рѣшался поставить неудовлетворительную отмѣтку, то жертва его суровости просто не допускала этого сдѣлать, хватала его за руку и въ большинствѣ случаевъ вмѣсто балла въ журналѣ получался большой клякс. До чего онъ былъ простъ, можно судить хоть по слѣдующему случаю.

Разъ въ 4-мъ классѣ одному ученику почему-то вздумалось его спросить—лютеране христіане ли? — Лютеране христіане ли?! ахъ ты такой сякой, князья, графы и тѣ въ каторгу пошли, а тебя за такіе вопросы мало что въ Камчатку сослать!—Смѣнилъ его при Власовѣ, тоже не молодой священникъ, магистръ богословія, славившійся въ Вологдѣ какъ проповѣдникъ. Въ младшихъ классахъ онъ говорилъ обыкновенно—душеньки мои, а въ старшихъ—дорогіе мои; но его не любили, всѣмъ чувствовалось что-то неискреннее. Въ старшихъ классахъ любилъ поговорить о раздѣленіи церквей, о патріархѣ константинопольскомъ Фотіи, о Маркѣ Эфесскомъ, ересяхъ въ лютеранствѣ, пагубѣ вольтеріанства. Но, какъ и многіе учителя того времени, больше всего опасался, какъ бы мы не срѣзались на экзаменѣ. Потому любезно поручалъ намъ приготовленіе билетовъ, — и разъ на вопросъ товарища—какъ приготовить билеты,—многозначительно отвѣтилъ:—ужъ, это вы сами лучше знаете, какъ надо сдѣлать. Онъ, однако, не долго оставался въ гимназіи, слишкомъ часто манкировалъ уроками по причинѣ одной слабости. Любознательность тоже не особенно поощрялъ; разъ я его спросилъ — что такое теологія?

— Не знаете?—отвѣтилъ онъ своимъ пѣвуче-слащавымъ тономъ,—лучше если и не будете знать.

Пѣвчіе, въ крайнемъ случаѣ, всегда могли разсчитывать на

нѣкоторое снисхожденіе на экзаменахъ, особенно по Закону Божію. Но хоровому пѣнію не обучали; сами же мы очень любили попѣвать, и въ зимніе вечера нашъ пансіонскій залъ частенько оглашался излюбленными: „подъ вечеръ осенью ненастной“ и особенно „то ли дѣло жизнь студента“. Но когда дошло до насъ—„вотъ въ воинственномъ азартѣ воевода Пальмерстонъ“, то, кажется, во все время войны не сходило съ нашего репертуара.

Слабую сторону тогдашняго преподаванія (я разумѣется имѣю въ виду нашу гимназію,—однако она считалась чуть ли не лучшей въ округѣ, конечно, изъ провинціальныхъ) составляли двѣ вещи. Учителя, хотя далеко не всѣ, объясняли задаемые уроки, но не особенно при этомъ интересовались—усваивали ли мы объясняемое; переспросъ очень чисто вызывалъ замѣчаніе: „а ты слушай внимательнѣе, тогда и будешь понимать“. Въ результатѣ получалось то, что мы съ нетерпѣніемъ ожидали момента, когда учитель начнетъ объяснять урокъ, не потому что хотѣли его усвоить, а потому, что это значило—больше сегодня никого спрашивать не будетъ. Рѣдкимъ исключеніемъ былъ молодой учитель А. А. Мѣшковъ, который менѣе тратилъ времени на спрашиваніе, чѣмъ на объясненіе будущаго урока, и всегда старался убѣдиться—поняли ли мы, что онъ объяснялъ. Второе,—ни учитель, ни начальство никогда не входили въ соображеніе, почему кто-либо плохо идетъ, а иногда и цѣлый классъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ. Малоуспѣшность прямо относилась къ лѣни и отчасти къ недостатку способностей. Противъ того и другого практиковался цѣлый арсеналъ исправительныхъ мѣръ. Ставленіе въ уголъ, на колѣни, оставленіе безъ обѣда и отпуска (для пансіонеровъ) на праздники и, наконецъ, розги. Все это стало выводиться лишь при А. В. Латышевѣ. Въ первое время при мнѣ розги были въ большомъ ходу; еженедѣльно, особенно пансіонеры, возбуждались ими къ прилежанію. Тѣ же мѣры примѣнялись и за шалости или проступки. Увольненіе за малоуспѣшность рѣдко практиковалось, только пансіонерамъ-стипендіатамъ не дозволялось оставаться болѣе двухъ лѣтъ въ одномъ классѣ. При мнѣ, кажется, было только два случая исключенія за поведеніе. Разъ одинъ приходящій попался директору Власову въ пансіонѣ на страстной недѣлѣ съ картами. Не смотря на суровыя взысканія, картежная игра была сильно развита въ старшихъ классахъ и притомъ на деньги. Играли преимущественно въ три листика и ландскнехтъ. И неудивительно, тогда дѣти у себя дома только и видѣли карты, да слышали разговоры о нихъ. О другомъ случаѣ исключенія скажу нѣсколько ниже.

За мое время очень многіе не оканчивали курса, даже вполнѣ удовлетворительно занимавшіеся. Успѣшное прохожденіе первыхъ

трехъ классовъ давало права, равныя окончанію курса въ уѣздномъ училищѣ; дѣти мелкихъ чиновниковъ иногда этимъ и довольствовались и размѣщались по разнымъ канцеляріямъ. Дѣти же дворянъ нерѣдко покидали гимназію послѣ 4-го класса, когда по возрасту уже могли разсчитывать на поступленіе въ юнкера; изъ моихъ товарищей пятеро пошли въ военную службу, не окончивъ курса. Я самъ только потому не попалъ въ юнкера, что, какъ стипендіатъ, не имѣлъ права уволиться.

Насколько мы (нормально оканчивавшіе гимназію въ 17 лѣтъ) вообще по своему развитію были подготовлены съ слушанію университетскихъ курсовъ? Я поступилъ на юридическій факультетъ и первыя двѣ недѣли лекціи по энциклопедіи законовѣдѣнія мнѣ не особенно давались. Причиною этого было обиліе терминовъ, которые лекторъ не считалъ нужнымъ предварительно пояснить, да превысокій тонъ, которымъ отличался пр. Калмыковъ. Онъ, говорятъ, когда былъ директоромъ гимназіи (одно время многіе профессора были въ то же время и директорами гимназій), вмѣсто того, чтобы сказать служителю—позвони перемѣну, выражался такъ: стражъ, возвести юношамъ, что насталъ часъ отдохновенія.—Отъ моихъ товарищей, которые разбрелись почти по всѣмъ факультетамъ, жалобъ на трудность пониманія лекцій въ первое время ни отъ кого не слыхалъ.

Вполнѣ присоединяюсь къ недавно высказанному замѣчанію Н. Н. Бекетова, что въ прежнее время, разставаясь съ гимназіей, сохраняли о ней только доброе воспоминаніе, и потомъ дружески встрѣчались со своими бывшими наставниками; также и тѣ къ намъ относились. Едва я пріѣхалъ въ Петербургъ, какъ пошелъ къ А. С. Власову, тогда директору Коломенской гимназіи. Въ Вологдѣ Власовъ держалъ себя какъ-то свысока; но теперь онъ встрѣтилъ меня весьма радушно, оставилъ у себя обѣдать и просилъ бывать по праздникамъ. Пріѣхалъ на вакаціи въ Вологду, точно въ свою семью попалъ, такъ встрѣтила меня старая гимназія. Конечно, не всѣхъ учителей мы любили; иные обращались съ нами грубо (кромѣ директора А. В. Латышева да учителя законовѣдѣнія, почти всѣ говорили намъ „ты“), часто на самомъ дѣлѣ были несправедливы по отношенію къ намъ, но все это какъ-то скоро забывалось. Можетъ быть потому, что не было систематическаго подсматриванія, слѣженія за каждымъ шагомъ (тогда, напр., и въ поминѣ не было, чтобы надзиратели визитировали приходящихъ, живущихъ не у родныхъ), мы не видѣли ежеминутнаго и явнаго вторженія въ нашъ внутренній міръ. Я уже сказалъ, что въ первые годы моего ученія чтеніе не поощрялось, но почему? по нѣсколько узкому соображенію, что оно отвлекаетъ отъ приготовленія уроковъ. Но были, однако, два лица (я при нихъ былъ только въ 1-мъ классѣ), которыя возбуждали всеобщую ненависть, это—инспекторъ и гувернеръ изъ

нѣмцевъ, которые въ систему возвели шпіонство; ихъ никто и никогда добромъ не вспомнилъ, хотя инспекторъ былъ человѣкъ большой учености. Съ нимъ произошла какая-то темная исторія. Разъ, когда онъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ (а домъ былъ одноэтажный и низенькій), черезъ окно полетѣли кирпичи, но благополучно его миновали. За эту исторію нѣсколько человѣкъ изъ приходящихъ было исключено.

У меня, въ частности, отъ гимназическаго времени осталось одно недоброе воспоминаніе—это о нашемъ пансіонѣ. Я росъ въ крайней нуждѣ; отца не было, состоянія никакого не имѣлось; матушка получала пенсію въ размѣрѣ 28 руб. въ годъ, да кое-что зарабатывала отъ рукодѣлія, и мы должны были ютиться въ самыхъ бѣдныхъ квартирахъ. Моими сверстниками были дѣти мелкихъ мѣщанъ, звонарей, совсѣмъ спившихся чиновниковъ. Передъ моими глазами происходили сцены весьма незастѣнчивыя, до уха моего долетали разговоры не совсѣмъ скромные; я зналъ, что зачѣмъ-то кладбищенскій сторожъ ходитъ по ночамъ къ нашей сосѣдкѣ, а другая сосѣдка часто бывала у какого-то барина, приносила отъ него гостинцы и даже мнѣ ихъ давала. Но никто не пытался разъяснить мнѣ смыслъ этихъ отношеній, вовлечь меня въ какой-нибудь соблазнъ. Въ возрастѣ около 12-ти лѣтъ я поступилъ въ пансіонъ. Съ перваго же дня меня поразили какіе-то разговоры, намеки, странныя прозвища; а черезъ какую-нибудь недѣлю, я уже зналъ о вещахъ, о которыхъ лучше было бы никогда не знать. Но независимо отъ этого, всѣ недостатки въ характерахъ нигдѣ такъ рѣзко не сказываются, какъ въ обязательныхъ сожительствахъ, и въ дѣтскомъ возрастѣ, столь воспріимчивомъ, легко переходятъ отъ одного къ другому.

Скучно тянулись въ пансіонѣ зимніе вечера; никакихъ общихъ или кружковыхъ чтеній и въ поминѣ не было. Игры сколько-нибудь оживленныя не разрѣшались, да и негдѣ было играть при тѣснотѣ нашей залы. Самыя игры по большей части отличались грубостью,—завяжутъ глаза и вотъ отгадывай, кто тебя ударилъ толстымъ жгутомъ или всей пятерней. Но что удивительнѣе, именно въ этого рода играхъ нерѣдко принимали участіе гувернеры.

Время короталось преимущественно въ разговорахъ; но Боже мой, какіе это иногда бывали разговоры! Одни разсказывали о своихъ лѣтнихъ похожденіяхъ съ крѣпостными дѣвушками, другіе о доходахъ ихъ родителей чиновниковъ. Какъ теперь помню, одинъ товарищъ повѣствовалъ, что его отецъ замѣчательно умный человѣкъ и въ доказательство демонстрировалъ копію съ его послужного списка. — Вотъ видите, какъ много должностей перемѣнилъ онъ; а почему? а потому, что былъ умница, возьметъ гдѣ-нибудь здорово, подѣлится съ кѣмъ нужно, и сейчасъ же переведется на другое мѣсто.—Въ участкѣ твоего

отца бѣднота живетъ, только одна и пожива, что развѣ отъ мертваго тѣла; а вотъ въ нашемъ стану такъ все торговыя села, домъ у насъ полная чаша, — ничего покупного; къ однимъ только праздникамъ торговцы столько нанесутъ, что въ кладовой мѣста не хватаетъ. Да и совѣтникъ говорилъ отцу, когда тотъ отправлялся на мѣсто—въ этомъ стану 200 руб. въ мѣсяцъ также вѣрны и святы, какъ казенное жалованье.

Первые годы моего пребыванія въ пансіонѣ напоминаютъ мнѣ еще о возмутительныхъ отношеніяхъ старшихъ воспитанниковъ къ младшимъ. Старшіе не только отнимали у младшихъ лучшія порціи, домашніе гостинцы, били ихъ—такъ отъ нечего дѣлать, но и позволяли себѣ всякаго рода нравственныя издѣвательства. На все это гувернеры смотрѣли не только сквозь пальцы, но даже прямо заявляли такой принципъ: если 49 маленькихъ жалуются на одного старшаго, то ихъ всѣхъ надо наказать. Это неограниченное самоуправство старшихъ стало постепенно ослабѣвать при Власовѣ и совершенно вывелось при Латышевѣ.

Пансіоны въ началѣ 60-хъ годовъ почти повсемѣстно были закрыты. Тутъ играло роль не одно только предубѣжденіе противъ нихъ, а и то, что дворянство стало прекращать отпускъ денегъ на стипендіатовъ; своекоштныхъ же было не такъ много, чтобы можно было содержать пансіоны. Теперь подъ именемъ интернатовъ пансіоны всюду возрождаются; надо желать, чтобъ они по возможности всего менѣе походили на прежніе пансіоны.

Здѣсь я могъ бы и закончить свои бѣглыя воспоминанія о гимназіи 50-хъ годовъ, но я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ по поводу толковъ о необходимости введенія законовѣдѣнія въ курсъ гимназіи. Не думаю, чтобы это принесло пользу нашему юношеству. Въ смыслѣ подготовки въ университетъ, спеціально по юридическому факультету, гимназическій курсъ законовѣдѣнія ничего не дастъ, въ университетѣ все равно лекціи будутъ начинаться, какъ говорится, съ аза. Въ смыслѣ содѣйствія общему развитію—сжатое изложеніе главнѣйшихъ отдѣловъ дѣйствующаго законодательства,—а вѣдь на дѣлѣ непремѣнно такъ и будетъ,—что можетъ дать? Какъ практическое знаніе, пригодное для жизни—рѣшительно ничего.

Л. Пантелѣевъ.
